

Глава 12

Цуй Юаньши сдавал экзамены на звание сюэца в год своей женитьбы — лишь для того, чтобы обмен брачными картами с семьёй невесты выглядел достойнее.

Он давно осознал, что путь крупного чиновника для него закрыт. Заветы предков предписывали главе рода держаться в тени, не выделяясь среди прочих, поэтому, каким бы талантом к наукам ни обладал он или его отец, пределом их амбиций оставалось звание цзюйжэня. Более того, вернуться к учёбе он мог бы лишь после того, как официально примет бразды правления кланом. Чтобы не растерять накопленные знания, Юаньши заставил половину своего кабинета книгами и регулярно навещался в родовую школу, чтобы подискутировать с наставниками.

Но если теперь ему предстояло выйти на поприще официальных испытаний, требовалось найти учителя, способного привести знания в систему. Нужно было вычленив главное, сосредоточиться на темах, необходимых для малого экзамена и последующих ступеней, — пройти своего рода интенсивную подготовку.

В таком случае у него действительно не останется времени ни на домашние хлопоты, ни на дела клана.

Цуй Юаньши не знал, как описать своё нынешнее состояние. Он видел сияющие глаза жены, пылки взгляды детей и ободряющие улыбки братьев и сестёр — все они верили в него. Казалось, стоит ему только пожелать, и он непременно пройдёт через сито малых испытаний, чтобы в следующем году предстать на провинциальных экзаменах.

Он хотел спросить о причинах такого решения, но внимание присутствующих тут же переключилось на младшего брата.

Цуй Люй лишь объявил о своём решении, не оставив места для споров. Каждый шаг в жизни старшего сына планировался им исходя из долгосрочного процветания семьи и клана. Как и сам Люй, как и каждый глава рода Цуй до него, Юаньши был лишён права на личные амбиции, идущие вразрез с общим благом.

В их семье нельзя было занимать высокое положение и лишь предаваться праздности, наслаждаться богатством и избегать ответственности. Единственным выходом был отказ от прав наследования и уход из клана.

Но те дети, на чьих плечах не лежал груз ответственности за выживание рода, имели куда больше свободы в выборе своего пути. С ними старшие могли договариваться, учитывая их склонности.

Завидовал ли им Юаньши?

В глубине души — пожалуй.

Но с малых лет в нём воспитывали обострённое чувство долга. Как старший брат, он привык брать на себя ответственность за младших, прощая им ошибки и слабости. Именно поэтому он был так снисходителен ко второму брату.

— Цзикан, Цзикан! Отец с тобой разговаривает. Ты согласен или нет?

Заметив, что младший брат окончательно впал в оцепенение, Юаньши протянул руку и легонько встряхнул его за плечо.

Цзикан вдруг издал вопль, полный восторга и неверия:

— Отец? Батюшка, вы ведь не шутите? Вы правда готовы отпустить меня? Неужели это правда?

От этого крика у Цуй Люя зазвенело в ушах. Он нахмурился, напуская на себя суровость.

— Если и дальше будешь вести себя столь невожатанно, считай, что я ничего не говорил.

Но Цзикану было плево на суровый вид отца. Обогнув старшего брата, он бросился к родителю и намертво вцепился в его рукав.

— Батюшка, батюшка! Я давно мечтал мир посмотреть! Неважно куда — лишь бы вырваться, лишь бы увидеть что-то новое. Я согласен на всё!

Цуй Люй попытался отстраниться, но сын прилип к нему, как банный лист. Пришлось смириться с тем, что Цзикан, подобно молодому щенку, так и вьётся вокруг него, едва не виляя хвостом.

— Поедешь в Северные земли. Я отберу людей из клана, чтобы сопровождали тебя. Говорят, жизнь там сейчас куда краше, чем во внутренних областях. Все купцы стремятся именно туда. Цзикан, ты уже не мальчик, ты женат, тебе пора взрослеть. Когда-нибудь у тебя родятся дети, и ты должен будешь сам обеспечить их будущее. Как бы ни были дружны братья, после моей смерти вам придётся разделить и вести свои хозяйства. Поэтому я хочу, чтобы ты проторил себе дорогу на Севере. Пятый, ты с детства не мог усидеть на месте, вечно возился с какими-то железками и деревяшками. Я разузнал: в Северных землях полно мастерских и школ, где обучают ремёслам. Там не смотрят на сословие — если ты чтить закон и хочешь учиться, тебя примут. Там нет деления на своих и чужаков, а чиновники судят справедливо. Теми землями правит нынешний императорский род, так что за безопасность можешь не опасаться. Войска семьи У стерегут те границы, там порядок железный...

Слухи об этих краях будоражили ум — говорили, что это земли просвещения, где даже женщинам платят наравне с мужчинами.

Цуй Люй посмотрел на сына взглядом, полным надежды.

— Я дам тебе серебра. Как приедешь, первым делом купи дом. Когда обустроишься сам и устроишь братьев из клана, начинай искать то, к чему лежит душа. О расходах не беспокойся, даже если учёба поначалу не будет приносить дохода — я всё оплачу. Я хочу, чтобы ты сам построил свою судьбу. Быть может, когда-нибудь и я наведаюсь в те края, чтобы взглянуть на твои успехи...

Цзикан поднял голову, вглядываясь в лицо отца, и на сердце у него вдруг стало тяжело.

— Батюшка, вам ещё и пятидесяти нет, к чему эти разговоры о разделе дома? Вы непременно доживёте до ста лет и увидите, как каждый из нас добьётся успеха. Обещаю... я наплюжу столько детей, чтобы вы в полной мере насладились шумом в доме, когда под одной крышей соберутся шесть поколений!

Стоило ему это произнести, как все женщины в зале обратили взгляды на младшую госпожу Цинь. На их лицах заиграли лукавые улыбки.

Бедная женщина покраснела до корней волос и низко опустила голову, не смея ни на кого взглянуть. Она так неистово теребила край платка, что казалось, готова была провалиться сквозь землю.

Она была на два года старше Цзикана, родственница покойной матери из рода Цинь. Красотой она не блистала — была из тех уютных, круглолицых и склонных к полноте женщин. Благо, Цзикан всё сердце отдавал своим чертежам и моделям, а к женской красе был неприхотлив. Раз мать выбрала ему жену — он послушно женился. Пылкой страсти между ними не было, но жили они вполне мирно.

Цуй Люй не сдержал смеха. Он легонько хлопнул сына по затылку.

— Ладно-ладно, я тебя понял. Пусть твоя жена едет с тобой — здесь ей прислуживать некому, а с ней мне будет спокойнее за тебя. Но помни: правило «никаких наложниц» остаётся в силе. Юаньи, завтра же внеси это в семейный кодекс. Я терпеть не могу лишнего шума в доме. Теперь, когда мы станем жить богаче, не хочу, чтобы достаток приводил к распутству. Запиши: если кто-то посмеет заглядываться на женщин на стороне — ответит по закону рода. А если, упаси предки, кто-то приживёт бастарда — я лично ноги переломаю.

У невесток в зале перехватило дыхание. В следующее мгновение в их глазах вспыхнула такая радость, что её невозможно было скрыть. Они обменивались ликующими взглядами, пряча застенчивые улыбки за платочками. Их сердца затрепетали от восторга.

Раньше в их доме не было наложниц лишь потому, что сам Цуй Люй подавал пример. Но если это правило станет законом клана, оно превратится в их нерушимый щит. Теперь можно было не опасаться, что, разбогатев, мужья пустятся во все тяжкие.

Во всём уезде Хуйцзюй не нашлось бы семьи, где в уставе была бы прописана такая милость к законным жёнам. Три невестки разом почувствовали, как к глазам подступают слёзы. Каждая из них в ту же секунду решила: как только вернётся в свои покои, непременно падёт ниц перед статуей Бодхисаттвы и будет молить о долгих годах для свёкра.

И молитвы эти были самыми искренними!

Лишь вторая невестка, госпожа Сунь, за напускным весельем прятала печаль. Глядя на эту идиллию, она не могла не думать о муже, запертом в родовом храме. Если бы он не совершил ту роковую ошибку, сейчас он тоже сидел бы здесь, слушая мудрые советы отца о своём будущем.

— Фэн-эр, твои знания уже весьма основательны. Думаю, малый экзамен тебе по плечу. Хочешь попробовать свои силы?

Цуй Фэн изумлённо распахнул глаза. Он заметно занервничал и, облизнув губы под ободряющим, но не менее тревожным взглядом матери, спросил:

— Дедушка считает, что внук готов к испытаниям?

Цуй Люй поманил его к себе. Когда мальчик подошёл, дед положил руку ему на макушку.

— Готов. Мой внук наделён острым умом. Раз ты смог одолеть даже столь заумные трактаты, как «Пятикнижие», то чего тебе бояться какого-то экзамена на сюэя? Непременно сдашь.

Фэн поднял голову, и на его лице медленно расцвёл румянец — робкий и непривычный, какой бывает у детей, которых редко хвалят. Он изо всех сил закивал, и голос его окреп:

— Внук готов попробовать! Я приложу все силы, дедушка.

«О боги...» Мальчик был на седьмом небе от счастья. За всю его недолгую жизнь дед никогда не хвалил его так открыто. Ему так хотелось, подобно пятому дяде, броситься дедушке на шею!

Словно почувствовав этот порыв, Цуй Люй сам притянул внука к себе, обнимая за плечи. Его улыбка была тёплой, как весеннее солнце.

— Вот и славно. Но не изводи себя тревогой. Просто делай что должно. Ты ещё молод, впереди вся жизнь. Малый экзамен — лишь первый порог. Чтобы чего-то добиться на поприще наук, придётся пройти через множество битв. Мир полон талантов, и всегда найдётся кто-то сильнее тебя. Но это не повод падать духом. Наше дело — трудиться не покладая рук, а результат... результат мы примем с улыбкой.

Если ум человека открыт миру и не ограничен стенами одного дома, то даже неудача на экзаменах не станет концом пути. Всегда найдётся иная стезя.

Глаза Цуй Фэна сияли от восхищения. Он преданно смотрел на деда и усердно кивал:

— Да, батюшка! Внук запомнит ваши слова. Спасибо за наставление.

Пока дед и внук наслаждались этим редким мигом близости, из-за дверей послышался голос Цуй Чэна:

— Господин, привели второго молодого господина.

Цуй Чжунхао заметно осунулся. Когда старый дворецкий пришёл за ним, он долго не мог прийти в себя. От служанок, приносящих еду в храм, он знал о переменах в доме, о разводе сестёр и их возвращении.

Цуй Люй легонько подтолкнул внука, велит ему вернуться на место, после чего лицо его мгновенно утратило мягкость.

— Пусть войдёт.

Они не виделись много дней. Когда Чжунхао переступил порог, в зале воцарилась тяжёлая тишина. Лишь его жена и дети, увидев его измождённый вид, не смогли сдержать слёз. Госпожа Сунь хотела было броситься к нему, но сдержалась, лишь до боли сжала руку сына, кусая губы.

Цуй Люй холодным взглядом смотрел на второго сына. Едва войдя, Чжунхао рухнул на колени и коснулся лбом пола.

— Отец... Сын осознал свою вину. Все эти дни в храме я каялся перед предками, переписывал сутры... Отец, я... я правда виноват...

Он всхлипнул и спрятал лицо в ладонях, сотрясаясь от рыданий, полных раскаяния и стыда.

Цуй Люй молчал. Юаньши первым не выдержал и поднялся с места. Следом за ним встали и остальные, собираясь просить за брата:

— Батюшка...

Лишь спустя долгое время Цуй Люй заговорил:

— Твой Бо Чэн каждый день докладывал мне о твоём поведении. Что ты делал, что читал, когда ложился и когда вставал — мне известно всё. И только потому, что твоё раскаяние кажется искренним, я позволил тебе быть здесь...

Чжунхао вздрогнул. Он поднял заплаканное лицо и пролепетал:

— Отец... я...

Цуй Люй жестом прервал его.

— Я позвал тебя не для того, чтобы просто простить. Сегодня наше первое семейное собрание. Раз ты всё ещё член семьи и не изгнан из клана, ты должен здесь присутствовать. Чжунхао, я даю тебе два пути. Решай сам.

Второй сын невольно взглянул на старшего брата, затем на жену.

— Через два месяца твой старший брат отправится на экзамены, а младший уедет на Север. Семье нужны люди, способные пробиться в верхи. Изначально это должен был быть ты, но...

В ушах Чжунхао зашумело. Он переводил взгляд с братьев на отца, пока тот не продолжил:

— Первый путь: я отделяю тебя от семьи. Забирай жену, детей и живи как знаешь. Если всё ещё гредишь о чиновничьей службе — воля твоя. Но с этого дня ты более не будешь иметь никакого отношения к роду Цуй...

Его жена, госпожа Сунь, вскрикнула. Она упала на колени рядом с мужем, прижимая к себе детей и отчаянно качая головой. Этот путь ничем не отличался от изгнания из клана.

— Второй путь: ты займёшься торговыми делами семьи. Отныне наше благосостояние будет строиться на коммерции, а земли... с ними будет иначе.

Цуй Люй не стал уточнять подробности — это был вопрос для общего собрания клана.

Чжунхао не отрывал взгляда от старшего брата. Понимая, о чём тот хочет спросить, Цуй Люй добавил:

— Статус Юаньши как наследника рода не изменится от того, что он пойдёт по пути наук. Чжунхао, если ты выберешь торговлю, ты будешь лишь управлять делами клана. Но главой для тебя по-прежнему останется старший брат. Ты меня понял?

— Отец... — Юаньши не мог стерпеть такой суровости к брату и попытался вмешаться.

Цуй Люй оборвал его ледяным взглядом:

— Ты ставишь под сомнение моё решение?

Цзикан же, напротив, согласно кивнул:

— Учёба — тяжкий труд. А второй брат хитёр и хватлив, из него выйдет отличный делец. По моему, отец всё верно рассудил.

Губы Чжунхао задрожали. Наконец он выдавил из себя горькую усмешку:

— Батюшка... разве у сына есть выбор?

Выбора не было.

<http://bllate.org/book/16118/1582948>